

А.С. Зуев. Присоединение Чукотки к России (вторая половина XVII – XVIII век). Новосибирск: СО РАН, 2009. 444 с.

Присоединение к России Сибири, в том числе ее крайнего северо-востока – Чукотки, давно изучается и подробно описано в историографии. Монография А.С. Зуева не только подводит определенный итог этим исследованиям, но и содержит немало новых, оригинальных подходов и трактовок. Новосибирский историк хорошо известен своими трудами по проблемам русско-аборигенных отношений, организации российского управления и военной истории этого региона. В своей новой книге он рассматривает события, происходившие на Чукотском полуострове на протяжении полутора столетий – от появления там первых русских землепроходцев И. Ерастова и Д. Зырянова в 1642 г. до конца XVIII в., когда чукчи были официально объявлены российскими подданными.

Одно из главных достоинств работы видится в нетрадиционном взгляде на проблему присоединения региона и его населения к Российскому государству. Если в абсолютном большинстве исследований в центре внимания находятся русские участники событий – служилые люди, местные управленцы разного уровня (что объективно объясняется происхождением и содержанием источников), то у Зуева с равной степенью обстоятельности изучены также социальное положение, политические ориентации, взгляды, стереотипы и ментальные установки и другой стороны, участвовавшей в процессе присоединения, – коренных жителей Чукотки. Автор отмечает, что русские, начав там объясачивание и строительство острогов, нарушили сложившийся к тому времени баланс сил между постоянно враждовавшими местными народами. Взяв под защиту ясачных коряков и юкагиров и, следовательно, приняв их сторону в этой вражде, служилые оказались втянутыми в долгие конфликты с чукчами – извечными противниками новых плательщиков ясака (с. 393). Кроме того пошатнулся баланс между потребностями людей и возможностями природы (с. 373). Пришельцы стали изымать в свою пользу часть ресурсов, взяли под контроль некоторые места речных переправ диких оленей, вынудили местных жителей охотиться на бесполезных для них ранее

пушных зверей, а главное – больше времени и сил уделять военным действиям, а не жизнеобеспечению в суровой тундре.

Существенным препятствием в налаживании взаимодействия русских и чукчей оказалась детально исследованная Зуевым разница в их мировосприятии. В первобытном сознании аборигенов Чукотки (с его скудным словарным запасом, бедным категориальным аппаратом, конкретным образным мышлением) не находилось места политическим и социальным понятиям, таким, как «подданство», «государство», «монархия» и т.п. Автор резонно полагает, что чукчи увидели в землепроходцах воинов неведомого племени, которые забрели на чужую территорию (с. 349, 350, 361). Соответственно и отношение к чужакам оказывалось настороженно-враждебным.

Интересны факты проявления своеобразного аборигенного менталитета в военной сфере. Например, чукчи несли большие потери оттого, что терпя поражение в боях с русскими, вместо бегства прятались в своих ярангах в наивной надежде, что русский преследователь (подобно коряку или юкагиру) не станет врываться внутрь из страха перед местью духа жилища. В преддверии сражения с русскими чукчи, даже при большом численном превосходстве, выделяли для боя такое же число воинов, какое было у противника: действовали каноны богатырских поединков. Поэтому русские с их военной выучкой (в XVIII в.) и огнестрельным оружием, даже находясь в меньшинстве, одолевали «иноземцев» (с. 296, 307). Но в целом Зуев считает, что военные потенциалы двух противостоящих сторон были приблизительно равны. Чукчи превосходили противников не только численностью, но также прекрасным знанием театра военных действий, полной адаптированностью к местным природным условиям. Для русских же пребывание в этом суровом краю превращалось в изнурительную борьбу за выживание.

В монографии детально описываются перемены в российской политике по отношению к чукчам. Власти то пытались придерживаться общесибирского принципа обходиться с ними

«лаской, а не жесточью», то провозглашали их «закоренелыми злодеями», «лукавыми и злобными дикарями», которых надлежит или покорить силой, или истребить (ни то, ни другое у местных начальников не получилось), то возвращались к сугубо мирной политике, тактике задаривания и переговоров (периодизацию русско-чукотских отношений см. на с. 389). Автор разбирает мотивы и причины таких перемен, прослеживает постепенное вызревание изменений в отношении центральных и местных управленческих инстанций к северо-восточным «иноземцам». Он показывает, что основы данной политики формировались и даже формулировались на уровне воеводской и губернской администрации – для XVIII в. это прежде всего ведомство иркутского вице-губернатора; нижестоящие органы (острожные, городские) только предоставляли информацию, а вышестоящие (Сибирский приказ, Военная коллегия, Сенат) незначительно корректировали, дополняли и утверждали документы, поступавшие из Иркутска. При этом правительственные органы в тогдашних условиях коммуникации не были способны оперативно реагировать на ситуацию на отдаленных окраинах, о которых к тому же имели зачастую весьма смутное и искаженное представление. В XVIII в. донесения от Чукотки до Иркутска шли 4–6 месяцев, затем столько же до Петербурга; с такой же скоростью двигались обратно и ответные решения. А если еще учесть темпы работы столичных бюрократов, то получается, что правительственные постановления доходили до места назначения через полтора–два года, когда положение там могло кардинально измениться (с. 148, 151–153).

Тем не менее не следует представлять тогдашнее российское правительство только в роли некомпетентного механизма по производству бумаг или транслятора региональных инициатив. Именно в Зимнем дворце и Сенате вырабатывалась политическая стратегия, решавшая историческую судьбу огромных регионов. В частности, из высших кругов политической и интеллектуальной элиты империи происходило патерналистское отношение к присоединенным народам, трактуемое Зуевым как равное отношение ко всем подданным и стремление приобщить их хоть в какой-то мере к рациональному политическому порядку, культурному прогрессу и нормам европейской цивилизации (с. 95). Однако феномен патернализма не сводится к этим культуртрегерским устремлениям, которые справедливо связываются автором с идеологией Просвещения. Зуев склонен противопоставлять отношение к «иноземцам» в XVII в. (просто как к государевым данникам) и в XVIII столетии, ко-

гда они включаются в социальную структуру империи в качестве ее равноправного элемента, хотя и нуждающегося в особом попечении. Но именно при первых Романовых (особенно царе Алексее Михайловиче) сформировался устойчивый образ правителя-покровителя, который лучше всего отвечал патерналистской модели отношений верховной власти и населения – как русского, так и неславянского. Грозный, но справедливый «белый царь» представлял как, во-первых, удачливый воитель, собиратель или завоеватель земель и народов, иногда их защитник от агрессивных соседей; во-вторых, устроитель и организатор нового режима, глава огромной пирамиды властей, верховный начальник над чиновниками; в-третьих, источник законности и справедливости, препятствие для всевластия и вседозволенности местных управленцев, защита от их произвола; в-четвертых, гарант спокойствия и благоденствия, жалующий или подтверждающий своими указами статус, имущественные и владельческие права подданных.

Политика, удачно характеризуемая Зуевым как «патерналистско-охранительная» (с. 178), напрасно связывается им только с XVIII в. Ведь он сам верно подмечает один из основополагающих принципов русского «освоения» таежной Сибири (кстати, разительно отличающий путь России «встречь солнцу» от колониальной экспансии западных держав): «Стержень правительственной политики в Сибири являлось не уничтожение, а наоборот, сохранение и увеличение числа коренных жителей» (с. 37) – добытчиков ценной пушнины и моржовой кости. Данная стратегия в отношении аборигенов была четко прописана в царских указах еще предыдущего столетия.

На крайнем северо-востоке, как замечает автор, не действовали сценарии, успешно практиковавшиеся на протяжении полутора столетий на остальной территории Сибири (с. 355), когда власти могли опираться в своих интересах (прежде всего фискальных) на туземные социальные и потестарные институты, сковывая самостоятельность «князцов»-тойонов присягами на верность, действительно использовать взятие заложников-аманатов. Особенности социального развития восточно-сибирских народов не позволяли рассчитывать на преданность соплеменников своим аманатам, заинтересованность в сохранении их жизни. Представители одной мелкой родовой общины, взятые «в заклад», не имели никакой ценности в глазах других общин. Чукчи (равно как и коряки, юкагиры, эвенки), случилось, бросали своих заложников на произвол судьбы.

Тем не менее для налаживания хоть какого-то порядка в отношениях с чукчами анадырские и охотские начальники пытались обрести союзников в лице предводителей разрозненных общин, разбросанных по тундре и побережью. Предпринимались попытки возложить на них задачу взимания пушного ясака с сородичей. Обычно в историографии «освоения Сибири» эта мера преподносится как создание социальной опоры новой власти в среде коренного населения. Однако Зуев указывает на еще один важный смысл привлечения тойонов к податным сборам: максимально отстранить от этого местную русскую администрацию и тем уменьшить возможности для злоупотреблений (с. 150).

Екатерининскую эпоху автор рассматривает как принципиальный рубеж в присоединении Чукотки. Исходя из идей Просвещения, правительство уверенно взяло курс на отрицание насилия по отношению к чукчам, на «мир любой ценой», отказ от взятия заложников, добровольность уплаты ясака. Взаимно заинтересованные в мирных отношениях русские и (в тот период) некоторые группы чукчей вступили в переговоры. В 1778 г. удалось заключить письменный договор о подданстве с одним из чукотских тойонов. Это дало основание Екатерине II в октябре следующего года издать указ о присоединении Чукотки к Российской империи и о принятии чукчей (всех!) в подданство.

К спешному определению статуса северо-восточных окраин Евразии подталкивала и геополитическая обстановка. Английские и французские корабли стали все чаще появляться в северной части Тихого океана, возникла опасность оспаривания у России колониальными державами ее самых дальних владений. Поэтому императрица озаботилась скорейшим формальным объявлением своего сюзеренитета над Чукоткой. Указ 1779 г. содержал, кроме прочего, распоряжение расставить по океанскому берегу наглядные символы этого – металлические доски с двуглавыми орлами на высоких столбах.

Однако и после 1779 г., на протяжении почти столетия, принадлежность чукчей к числу российских подданных оказывалась чисто номинальной. Выше указывалось на отмеченные Зуевым особенности мировосприятия жителей Крайнего Севера: понятия и категории, связанные с подчинением государственному порядку, не находили адекватного воплощения в языке и мышлении тогдашних чукчей. В данном случае автор подключается к обсуждению относительно новой проблемы, которая в последние годы активно обсуждается в российской историографии, – выяснению отношения присоединенных народов к своему новому ста-

тусу и к самому институту подданства. Но и в глазах российских управленцев разных уровней Чукотка долгое время оказывалась малодоступным, необжитым, неосвоенным «краем земли», где не существует полноценного государственного управления. (Вспомним известный фильм «Начальник Чукотки», в котором действие разворачивается в первые послереволюционные годы. Местный русский начальник Тимофей Иванов Храмов формально подчиняется своим далеким патронам на «Большой земле», с которыми практически никогда не встречается, но всецело предан американским коммерсантам, активно организующим на Чукотке свой бизнес.)

Для определения степени реальности подданства Зуев предлагает учитывать следующие критерии: возведение на данной территории русских укрепленных поселений; стабильное взимание налогов с местных «иноземцев» (граница объясненных земель становилась и границей распространения российской власти); распространение постоянно действующей системы государственного управления – «именно она обеспечивала окончательное превращение формального присоединения в реальное и выступала связующим звеном между присоединением территории и присоединением населения» (с. 397) (автор считает, что эти процессы далеко не всегда совпадали, хотя и были взаимосвязанными). Полагаю, что набор указанных критериев в целом адекватно отражает сложность и постепенность включения народов и регионов в состав Российского государства. При этом Зуев, в отличие от своих прошлых работ, обоснованно, по моему мнению, не стал включать в число критериев подданства наличие акта о приеме в подданство. Ведь такой акт со стороны правительства зачастую намного опережал реальное присоединение, а «шерстные» соглашения и присяги о верности «великому государю» со стороны представителей присоединяемых народов многократно нарушались ими и к тому же требовали периодического обновления.

Рецензируемая монография написана на основе огромного массива архивных и опубликованных источников, с учетом всей отечественной и зарубежной историографии по изучаемой теме. Работа А.С. Зуева не только впервые столь подробно освещает долгую историю присоединения северо-восточной Сибири к России, но и позволяет по-новому осмыслить некоторые особенности формирования нашего многонационального государства.

В.В. Трепавлов,
доктор исторических наук
(Институт российской истории РАН)